

Цѣна 20 пф.
Preis 20 Pf.

Поднятая цѣна в Германіи
1 зол. марка в мѣсяц.

Цѣна об'явленій: Поесть текста
20 пф. зол. за миллим., в текстъ 60 пф.
за миллиметр.

Рукописи без обозначенія условій счи-
таются бесплатными. — Редакція не
обязана возвращать мелких рукописей.

Редакція газеты «Время» в Берлинѣ —
Berlin W 8, Kronenstrasse 4-8
Телефон: Merkur 4340 и 4341.

Редактор принимает заказы от 12—1 ч.

Пріем подлиски и об'явленій в конторѣ
издательства Berlin W 8, Kronenstr. 4-8
Телефон: Merkur 4340 и 4341.

ВРЕМЯ

„WREMJA“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№ 313

Берлин, Понедѣльник 21 Іюля 1924 г.

Год изданія VI

Жан Нуар.

Двадцать лѣтъ.

Двадцать лѣтъ тому назад ушла от нас тихая свѣтлая радость.

Погасла ясная кроткая лампадка, озарявшая прекрасный лик русской литературы.

Двадцать лѣтъ тому назад не стало Антона Павловича Чехова.

За это время сама Вѣчность — тяжелая, несокрушимая, безстрастная — прошла над великой, необъятной страной.

Под желѣзной безпощадной пятой ея рушились города, кровью человѣческой окрашивались рѣки, сметая старый, вѣками отстоявшій бытъ, гибли устои, традиціи, мораль — древнія иконы во храмѣ души человѣка...

На жуткихъ зловѣщихъ руинахъ зачалась новая жизнь, создавались новыя формы общежитія, зарождалось новое искусство.

Изъ под обломковъ, обкуренныхъ порохомъ, обрызганныхъ кровью, появился кто то съ новыми десятию заповѣдями, отличавшимися отъ старыхъ тѣмъ, что прежнее «не» было вычеркнуто и прибавлено туда, гдѣ раньше оно отсутствовало.

Психологія, воспріятія, переживанія, эмоціи модифицировались самымъ рѣшительнымъ образомъ. Жизнь получила другой «ритмъ». (Ахъ, какъ любятъ теперь щеголять этимъ словомъ!)

Нѣкоторые критики, большей частью пишущіе для собственнаго удовольствія, считают сейчасъ творчество Чехова музейнымъ. Его героев — антикваріатомъ, передъ которымъ можно задержаться, даже осмотрѣть, поговорить, но отнюдь не проникнуться ихъ психологіей, ихъ маленькими скорбями и беззвучными радостями.

• Это было сказано даже здѣсь в эмиграціи, если не ошибаюсь, о московскомъ художественномъ театрѣ.

В адскомъ грохотѣ повседневности, в судорожной борьбѣ за минимумъ существованія, во всей этой дикой безтолочи, освѣщенной наглою юродствующей рекламой магазина и кинематографа, литературные прокуроры проглядѣли, что здѣсь среди насъ и сейчасъ живутъ чеховскіе люди, и что имъ омерзительны и претивны всѣ эти «цѣпки, острые ритмы», которыми такъ кокетничаютъ Флоберы ускореннаго выпуска.

Развѣ не живутъ среди насъ Андреи, мечтавшіе о профессурѣ и волею «новаго быта» служащіе кельнерами в рус-

скихъ ресторанахъ.

Развѣ не томятся среди насъ одинокія сестры, мечтающія о Москвѣ?

Развѣ всѣ мы не забытые Фирсы?

Поживо, а юности в первый разъ я увидѣлъ «Трехъ сестеръ» на сценѣ маленькаго провинціального театра.

Артисты не были отмѣчены талантомъ, игра была посредственной, декораций убогія. Но я чувствовалъ, переживалъ вмѣстѣ со всѣми дѣйствующими лицами.

И долго, долго я жилъ под впечатлѣніемъ этой пьесы, во мнѣ звучали, (именно, звучали!) ея краснорѣчивыя паузы, говорящія душѣ больше любыхъ пылкихъ патетическихъ монологовъ...

Тогда гораздо меньше спорили и писали о театрѣ, но тогда его больше любили. К нему относились, какъ къ близкому родному существу. В него приходили съ благоговѣніемъ, фанатическимъ обожаніемъ.

Теперь много говорятъ о театрѣ, еще больше пишутъ, читаютъ доклады. Но идутъ, какъ на зрѣлищное дѣйство, смотрятъ пьесу безлюбыми стеклянными глазами, а уходя остаются равнодушными и тотчасъ-же забываютъ.

То-же и в литературѣ.

Пишутъ стихи, напоминающіе в чтеніи узкую, крутую, скользкую лѣстницу. В разсказахъ упражняются в «стилизации» русскаго языка. Придумываютъ оригинальную психологію.

Все это пробѣгается, перелистывается и забывается.

Ибо все сочинено, надумано, сдѣлано. Ибо нѣтъ в этомъ вдохновенія, огня Прометеева, трепета живой души — всего того, надъ чѣмъ такъ иронически посмѣиваются современные смѣлые молодые люди съ громаднымъ самомнѣніемъ и малымъ дарованіемъ.

Я не знаю, какое слово сказалъ-бы незабвенный писатель, если-бы судьба положила ему дожить до нашихъ безстыжихъ дней.

Кто знаетъ?

Запечатлѣлъ бы онъ ихъ в формѣ язвительно-остроумнаго шаржа и подписался-бы —

Антоша Чехонте.

Или, горько улынувшись, запрягалъ бы в письменный столъ писательское перо и прибилъ на парадной двери маленькую табличку со скромной надписью:

«Докторъ А. П. Чеховъ».

Жан Нуар.